

Фрагмент из книги

Jörg Baberowski
Verbrannte Erde.
Stalins Herrschaft der Gewalt

C.H. Beck Verlag
München 2012
ISBN 978-3-406-63254-9

S. 9-12, 308-317, S. 362-368

Йорг Баберовски
Выжженная земля.
Сталинское царство насилия

Перевела с немецкого Л.Ю.Пантина

И не стоит упускать из виду очевидное – Сталин делал это, потому что ему это нравилось.

Мартин Амис. Коба Грозный

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Утверждая что-либо, затем опровергать собственные утверждения, – пишет Мартин Вальзер, – должно бы войти в привычку и называться культурой»¹. Писателям подобные сентенции простительны. Они пишут о том, что видят под свободно избранным углом зрения рассказчика. Историки же служат формированию общественного мнения и добывают для него результаты, которые следует признавать научными. Во всяком случае, этого ожидают читатели, ища в исторических трудах истин, обещающих дать им ответы на неразрешенные вопросы. Собираясь написать книгу, историк знает, что его рассматривают как поборника определенных тезисов и суждений, и потому от него снова и снова требуется говорить уже знакомые вещи. Бывает, он всю жизнь держится некоего мнения, возводя его в ранг вечной истины, только потому, что когда-то такое мнение высказал. Быть правым нелегко. Еще труднее быть правым, оставаясь на одной и той же точке зрения. Поэтому я обрадовался, когда неожиданно получил возможность сказать новое, отбросив старое.

Правда, когда меня два года назад попросили переработать для перевода на английский язык мою книгу «Красный террор. История сталинизма», вышедшую в 2003 г., я еще не сознавал, во что ввязываюсь. Дело представлялось мне чрезвычайно простым: просмотрю текст, думаю я, да добавлю все достойное внимания, что было сказано по теме после 2003 г. Но чем дальше я читал, тем сильнее становилось мое разочарование. Я испытывал настоящие муки: мне не нравились ни мысли, ни слог собственного творения, и я не сомневался, что читателям они тоже не понравились. Моя книга меня больше не устраивала. Все, что я с тех пор прочел, сказал и написал о Сталине и сталинизме, входило в странное противоречие с уверенными суждениями, которые составили ее костяк. Я и сейчас не хотел отказываться от издания соответствующего текста, но ни в коем случае не желал повторять написанное в 2003 г., поскольку многое из того, что когда-то могло считаться правильным, семь лет спустя казалось мне глупостью. Книгу следовало сделать лучше и

яснее, а для этого, тотчас понял я, придется опровергать то, что писал раньше. Через пару недель я работал уже не над старой, а над новой книгой.

С 2003 г. я несколько лет пытался объяснить самому себе, как же случилось, что в Советском Союзе в сталинские времена были убиты, изгнаны из родных мест, брошены в лагеря или умерли с голоду миллионы людей. В 2003 г. мне еще казались откровением тезисы социолога Зигмунта Баумана. Причинами чудовищных злодеяний XX в., писал он, послужили стремление к однозначности, борьба с амбивалентностью и одержимость порядком, свойственные государству-«садовнику» эпохи модерна. Идея, несомненно, прекрасная, но оставшаяся голословным утверждением.

Чем больше я читал о насилии сталинского периода, тем яснее мне становилось, что мои прежние интерпретации происходившего требуют пересмотра. Инициатором и режиссером массового истребления миллионов был Сталин, прочитанные мной документы не оставляли в этом сомнений. Коммунистический эксперимент по созданию нового человека давал советским властителям оправдание для устранения врагов и неугодных. Но он не требовал от них массовых убийств. Да и Сталин с приближенными, совещаясь между собой о том, что делать с мнимыми врагами их системы, не говорили о прекрасном новом мире: они обсуждали технику насилия. Только при чрезвычайном положении психопат вроде Сталина мог дать полную волю своей злобе и криминальной энергии. Мечта о коммунистическом освобождении захлебнулась в крови миллионов жертв, потому что насилие лишилось всяких мотивов, а диктатор превратил его исключительно в орудие достижения собственных целей. В конечном счете речь шла о признании безоговорочной власти – власти Сталина над жизнью и смертью. Только в атмосфере паранойи и недоверия деспот сумел навязать свою волю другим и заставить всех жить в своем собственном мире.

Я попытался представить себе, как создавался мир Сталина и его подручных, и чем больше читал, тем яснее понимал, что идеи не убивают. Насилие заразительно. Никто из переживших его не может его игнорировать, неважно, какие мотивы приводят человека в ситуацию насилия. Насилие можно понять лишь в динамике, а не отталкиваясь от какой-то отправной точки. Оно меняет людей, переворачивает мир вверх дном и разрушает доверие, необходимое, чтобы жить в обществе. Зато оно – эликсир жизни для бессовестных негодяев, присваивающих себе право делать то, на что другие осмеливаются лишь в мыслях. Стоит только попробовать посмотреть на мир

глазами Сталина – и вот уже вещи, на которые мы никогда не считали себя способными, становятся нормальным явлением. Об этом и говорит моя книга.

Зачем вообще писать книгу? Разве нельзя самоутвердиться каким-нибудь другим способом? Любой автор знает, что в итоге лишь немногие прочтут то, чем ему хочется с ними поделиться. Но это совершенно не важно. Пишущий ведет разговор с собой и в процессе узнает о себе больше, чем о предмете, который описывает. Тема насилия преследовала меня даже во сне, она так мне досаждала, что в иные дни я мечтал работать над какой-нибудь другой книгой. Тем не менее рассказ о жизни в обстановке насилия преисполнил меня чувством глубокой благодарности. Не существовало страны, где классовые противоречия были бы острее, а привилегии правящей касты больше, чем в Советском Союзе, и где людям приходилось бы жить в таком страхе. Мне же не довелось испытать страданий, выпавших на долю сталинским жертвам. «Урок, который извлекаешь из подобного рода опыта, – писал в своих воспоминаниях Артур Кёстлер, – если облечь его в слова, всегда предстает в блеклых одеждах вечных общих мест: что человек – реальность, а человечество – абстракция; что с людьми нельзя обращаться, как с цифрами в политическом уравнении, потому что они ведут себя подобно знакам нуля или бесконечности, которые заставляют трещать по швам все математические расчеты; что цель оправдывает средства лишь в очень узких пределах; что этика – не только функция социальной пользы, а любовь к ближнему – не мелкобуржуазные сентименты, но сила тяготения, удерживающая воедино любую цивилизацию»². Можно добавить: что это счастье – жить в такой правовой системе, при которой разные считаются равными, а свобода одного человека согласуется со свободой других. Кто провел хотя бы короткое время в обществе, пожираемом недоверием и насилием, тот сразу поймет, что это достижение цивилизации защищает нас друг от друга. Мы должны быть за него благодарны – каждый день.

6. Всевластие деспота

Сталин все время держал руку на пульсе. Он велел Ежову предоставлять ему всю новую информацию о предателях и шпионах и списки с именами подозрительных. Никто из приближенных в 1937 г. не бывал в кабинете диктатора чаще Ежова¹⁴². В этот год террора Сталина вообще занимали

исключительно способы насилия и убийства. Он перестал управлять страной, потому что ему надо было завершить свое разрушительное дело. В июне 1937 г., когда террор достиг апогея, Ежов ежедневно являлся к хозяину с протоколами допросов, досье, письменными доносами и списками партийных и государственных функционеров, которых предполагалось расстрелять. Сталин читал то, что ему приносили, подчеркивал в письмах отдельные места и на полях писал, как поступить с названными в них лицами. Он даже определял, какие обвинения следует предъявить тем, кого он обрекал на смерть. В низу письма первого секретаря ЦК КП(б) Таджикистана, в июле 1937 г. сообщившего Сталину, что председатель ЦИК республики Ш. Шотемор исключен из партии за «контрреволюционную деятельность», он собственноручно начертил: «Нужно исключить Шотемора как английского шпиона». Никто никогда не узнает, насколько внимательно Сталин просматривал списки кандидатов на расстрел. В принципе, не в его характере было бы подписывать их, не проверив, добросовестно ли НКВД выполнил свою работу. В некоторых случаях генсек изменял приговор к высшей мере наказания на лагерный срок или вычеркивал чье-нибудь имя. Однако чаще всего он одним росчерком пера посылал на смерть всех перечисленных в списках. Только 12 декабря 1938 г. он приговорил таким образом к расстрелу 3 167 чел. С февраля 1937 г. по октябрь 1938 г. Сталин получил 383 списка с именами 44 477 ведущих государственных деятелей, офицеров армии и госбезопасности. 38 955 из них были расстреляны, потому что генсек одобрил их убийство¹⁴³.

Сталин не заботился о том, чтобы НКВД изобличал шпионов и предателей с помощью доказательств. Предателем мог стать любой, и поэтому «органам» надлежало убивать как можно больше людей, дабы не оставить случайно в живых потенциального врага. Некоторые думают, разъярял он Военному совету 2 июня 1937 г., будто врагом может быть только человек чуждого социального происхождения или тот, кто когда-то стоял на стороне Троцкого. Это, разумеется, неправильный, немарксистский, «биологический» подход. Разве Ленин не был дворянином, Энгельс – фабрикантом, а Чернышевский – сыном попа? Ф. Э. Дзержинский и А. А. Андреев (член Политбюро, между прочим) раньше поддерживали Троцкого, но никогда не проявляли нелояльности. Другие же, напротив, при всем своем пролетарском происхождении, оказались «мерзавцами». Надо судить людей не по происхождению, а по делам¹⁴⁴. Общая мысль как нельзя более ясна: теперь врагом мог стать любой, рабочий и крестьянин наравне с дворянином и

кулаком, приверженец Сталина, так же как и друг Троцкого. Существовал один-единственный выход из положения: террору предстояло перешагнуть все границы, проникнуть, словно метастазы опухоли, во все ниши советского общества, чтобы ни один враг не пережил великую очистительную грозу.

Абсолютная власть Сталина выросла из безграничности террора. Пока функционеры, умирая от страха, доносили друг на друга, он имел возможность играть роль повелителя жизни и смерти. Генсек редко собирал ЦК и Политбюро. Он теперь был сам себе центральный комитет. Иногда, издавая очередной приказ о терроре, он давал подписывать его членам Политбюро, но улаживал подобные формальности весьма непринужденным образом. Все важные решения принимались в самом узком кругу, в его рабочем кабинете или на подмосковной даче в Кунцево, куда члены Политбюро съезжались, чтобы поесть и выпить с диктатором. В середине 1937 г. Сталин мог делать то, для чего еще годом раньше ему требовалось одобрение приближенных. Он больше не писал писем – каждый и так знал, что нужно, чтобы ему угодить. Отныне хватало знака или намека деспота, и его палачи спешили прикончить тех, кого он не желал терпеть рядом с собой, не спрашивая никаких обоснований. Когда генсек принял решение убрать из Политбюро и убить Я. Э. Рудзутака, ему не понадобилось ничье согласие. Сталин всегда поддерживал с Рудзутаком хорошие отношения, вспоминал Молотов. А потом взял и отдал приказ его расстрелять¹⁴⁵.

От своих подручных Сталин ожидал беспрекословного подчинения и преданности вплоть до самоотречения. Нарушивший верность шел против кодекса чести связанных круговой порукой мужских союзов, знакомых Сталину по его грузинской родине. Дружба и личная преданность имели для него иной смысл, нежели для большевиков-«европейцев». Его представления о дружбе сформировались в ненадежном мире войны и насилия, где недоверие к людям, которых не знаешь и не можешь контролировать, служило признаком мудрости. В подобном мире всеобщей неуверенности доказательства преданности давали единственную возможность заручиться чьей-то дружбой. «Нужно уважать друг друга и полагаться друг на друга, – писал Сталин Орджоникидзе в сентябре 1931 г. – Нельзя требовать только, чтобы нас уважали, надо и самим уважать других. Я говорю о членах нашего руководящего круга, который сложился не случайно и должен оставаться единым и неразрывным. Тогда все будет хорошо»¹⁴⁶.

Нарушивший верность терял свою честь, ибо предавал величайшую ценность – нерушимую мужскую дружбу. Сталинская модель власти строилась по образцу разбойничьих банд, ориентируясь на правила «общества достойных». Летом 1932 г. Сталин пригласил немецкого коммуниста Хайнца Ноймана и нескольких своих приближенных на ужин на свою виллу под Сочи и разыграл перед ними гротескный спектакль. Нойман, во всяком случае, не мог забыть увиденного. Его жена вспоминала: «Многие гости уже собрались на вилле, когда на террасу вошел старый кавказец и Сталин сердечно его приветствовал. Потом он, выполняя обязанность хозяина дома, представил его присутствующим следующим образом: “Это товарищ X, покушавшийся на меня...” Стоявшие вокруг изумленно, ничего не понимая, переглянулись, а Сталин благодушно поведал, что этот гость недавно составил против него заговор с единственной целью – убить его. Но благодаря бдительности ГПУ покушение сорвалось, и несостоявшегося убийцу приговорили к смерти. Он, Сталин, счел правильным помиловать старика, который действовал, ослепленный националистическими предрассудками, и, чтобы раз и навсегда похоронить их вражду, пригласил его сюда в Мацесту... Во все время долгого объяснения старик стоял перед толпой гостей, опустив глаза»¹⁴⁷.

Сталин мог велеть убить человека, а мог подарить ему жизнь. Что он выберет, зависело исключительно от его прихоти. И все присутствующие, зрители устроенного им представления, понимали, что их судьбу он тоже держит в своих руках. Ноймана расстреляли в Москве через пять лет, в ноябре 1937 г. Сталин к тому времени стал полновластным господином над жизнью и смертью: никто больше не осмеливался ему противоречить, и его друзья превратились в клиентов, которым не оставалось ничего иного, кроме как подчиняться правилам, установленным патроном. Сталинская идеология верности стала идеологией его свиты, мужской союз – идеальной системой.

Но там, где от людей требуется верность, неизменно появляются недоверие и подозрительность. Сталин, естественно, не мог ожидать от своих подручных, что они всецело предадутся ему, отказавшись от собственной личности. Чтобы они делали то, что он от них хотел, он стравливал их друг с другом, поручал им совершение страшных преступлений, подвергал их испытаниям. «Сталин был чрезвычайно бдителен и очень осторожен», – говорил Каганович сорок лет спустя, объясняя историку Куманеву, почему он «сдал» генсеку собственного брата. Микоян вспоминал, что Сталин не доверял даже ему, старому соратнику еще по Кавказу. Летом 1937 г., когда Микоян в

Ереване от лица ЦК руководил арестами армянских коммунистов, произошло нечто необычное: «Совершенно неожиданно для меня в зале вдруг появился Берия. Он вошел, когда я выступал с речью, стоя на трибуне... Я подумал, что Сталин приказал ему прийти, чтобы арестовать меня там же на пленуме. Надеюсь, однако, что я сумел скрыть волнение и он ничего не заметил»¹⁴⁸.

Доверие диктатора мог завоевать только тот, кто был готов принести ему жертву. Сталин велел арестовать и убить братьев Орджоникидзе и Кагановича, занимавших высокие посты в советском хозяйственном аппарате. Он распорядился арестовать невестку Хрущева, сына лидера финских коммунистов и деятеля Коминтерна Отто Куусинена, жену своего секретаря Поскребышева. По приказу Сталина в лагерь отправили даже супругу Калинина, номинального главы советского государства, потому что та нелестно отзывалась о генсеке. В 1938 г. он вынудил к самоубийству жену Н. И. Ежова незадолго до того, как сам всесильный глава НКВД, в свою очередь, попал в немилость. Наконец, после войны подобная жертва потребовалась и от Молотова. Сталин отдал приказ об аресте и заключении в лагерь супруги своего ближайшего соратника. Она вернулась к мужу лишь после смерти тирана. Калинин, Каганович и Молотов прошли проверку, тотчас же согласившись с арестом жен и родственников. Они признавали за Сталиным право устраивать им такие испытания. «Вы имеете, – написал однажды Каганович Сталину, – не только официальное политическое, но и товарищески-моральное право распоряжаться тем, кого Вы сформировали как политического деятеля, т. е. мною, Вашим учеником»¹⁴⁹. Человек, выдержавший психологическое насилие, которому диктатор подвергал свое окружение, показывал, что верность вождю для него значит больше семейных уз и привязанностей. Лишь тот, кого подобный террор не выводил из равновесия, оставался в кругу сталинских друзей.

Никто не мог заранее знать, что сделает Сталин и как поведет себя с приближенными, друзьями и родными. На такой неуверенности и непредсказуемости и покоилась система сталинской деспотии. Сталин посылал на смерть даже своих близких родственников. Станислава Реденса, одного из старших офицеров НКВД, женатого на свояченице Сталина Анне Аллилуевой, без видимых причин расстреляли по приказу диктатора. Но иногда он, казалось, вспоминал друзей юности с Кавказа, посылал им деньги или спасал жизнь. В 1937 г. был арестован грузинский друг генсека Сергей Кавтарадзе, которого обвинили в том, что он вместе с Буду Мдивани готовил убийство вождя. Его жену Софью тоже забрали и, как и самого Кавтарадзе, жестоко

пытали в тюрьме. Мдивани, принадлежавшего к дружескому кругу Сталина, расстреляли, зато Кавтарадзе подарили жизнь, поскольку деспот рядом с его именем в расстрельном списке поставил горизонтальную черточку.

В 1939 г. Сталин вспомнил о старом друге и велел доставить его к себе с Лубянки. Кавтарадзе стал заместителем наркома иностранных дел, а позже советским послом в Румынии. В сталинской империи сегодняшний смертник завтра мог превратиться в министра. Если верить Симону Себагу Монтефьоре, который разговаривал с дочерью Кавтарадзе, Марией, то Сталина приходится считать бездушным психопатом. Когда семья Кавтарадзе вселилась в новую квартиру в Москве, к ним поздним вечером нагрянули гости. На пороге показались Сталин и Берия. Они привезли с собой грузинские деликатесы из ресторана «Арагви», выпивали и закусывали с хозяевами до рассвета. Сталин спрашивал у жены Кавтарадзе, кто же ее так пытал, что она за недолгий срок своего заключения совершенно поседела. Он пел песни, усадив дочку друга на колени: «Сидел-сидел маленький, рябой коротышка – и вдруг так красиво запел». Мария была одновременно и восхищена, и испугана: «Он был такой милый, добрый, целовал меня в щеки, и я смотрела в его блестящие глаза медового, орехового цвета. Но я так боялась». Сам Кавтарадзе вспоминал, что Сталин, когда вызвал его к себе после освобождения из тюрьмы, на прощание сказал ему: «А все-таки ты хотел меня убить». И у Кавтарадзе мороз пробежал по спине¹⁵⁰.

Если бы Сталин написал мемуары, у него получилось бы просто новое издание краткого курса истории КПСС, утверждал Роберт Таккер¹⁵¹. Ничто, однако, не свидетельствует о том, что, приказывая истязать и убивать людей, Сталин повиновался идеологической необходимости. Скорее, он был убийцей по натуре, которому доставляло удовольствие ранить и разрушать и который пользовался идейной аргументацией, предоставленной в его распоряжение каноническими текстами, чтобы оправдывать свои злодеяния в глазах общественности. В узком кругу правящей верхушки он говорил только о репрессивных механизмах. Так что, если бы Сталин написал мемуары, то, вероятно, из-под его пера вышла бы лживая история о заговорах и предателях. Она не открыла бы ничего о внутреннем мире диктатора, о его замыслах и убеждениях. Ибо Сталин никогда не выдавал на публике своих настоящих мыслей. Да их и не обязательно знать, чтобы понять природу сталинского насилия. Действия генсека следовали образцу, совершенно очевидному как для

современников, так и для потомков. Можно по-разному их интерпретировать, но при этом идентифицировать безошибочно. А только это и важно.

Сталин был преступником, который убивал и убивал, поскольку каждое злодеяние порождало все больше новых, словно круги на воде. Тот, кто попадал в тюрьму и подвергался пыткам, имел ничтожно малый шанс освободиться из заключения. Выживший являл бы собой наглядное свидетельство сталинской жестокости, он напоминал бы диктатору, что есть люди, которые никогда не забудут, что с ними сделали. Сам Сталин никогда ничего не забывал. И полагал, что другие в этом с ним схожи. У него на родине убийце приходилось ожидать, что родственники жертвы отомстят ему. Дабы избежать кровной мести, ему следовало вырезать или сделать небоеспособными всех членов рода своего врага. Точно так же Сталин представлял себе необходимое обращение с врагами народа и их родными. Победитель не может жить в мире, если не убьет побежденных, по преданию, сказал Чингисхан. Сталин подчеркнул эту фразу, наткнувшись на нее в одной исторической книге. В июне 1937 г. он продемонстрировал пример логики «кругов на воде», отдав распоряжение расстрелять в Дмитровском лагере не только приближенных Г. Г. Ягоды, но и всех связанных с ним сотрудников НКВД. Их трупы зарыли неподалеку от дачи бывшего начальника, чтобы даже мертвыми они являли собой свидетельство того, что клиенты делят с патроном и радость, и горе.

В ноябре 1937 г., в годовщину Октябрьской революции, поднимая бокал в кругу самых доверенных соратников, Сталин тоже заговорил об уничтожении противников вместе с родными и близкими. Председатель Коминтерна Георгий Димитров записал в дневнике его слова: «И мы будем уничтожать каждого такого врага, хотя бы был он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями (да, и мыслями) покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать. За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!»¹⁵²

Система взятия заложников и преследования по признаку родства стала в годы Большого террора одной из причин всеобщего страха. Членов семей арестованных не просто брали в заложники, чтобы добиться признательных показаний. Даже после смерти жертв страдания их жен, детей и прочих родственников не прекращались. 19 июня 1937 г. Сталин велел Ежову «немедленно депортировать из Москвы» супруг Радека, Бухарина, Рудзутака,

Ягоды, Тухачевского и других арестованных командармов. Через несколько дней, 5 июля, он дал указание арестовать всех жен осужденных за «измену родине» троцкистов и шпионов и заключить их на срок от пяти до восьми лет в лагерь Нарымского округа Сибири и Тургайской области Казахстана. Их дети подлежали отправке в детские дома НКВД. В ноябре Сталин впервые получил от Ежова не только списки арестованных коммунистов, армейских офицеров и сотрудников НКВД, но и список с именами их жен. Ежов прислал его Сталину с просьбой санкционировать расстрел этих женщин. Сталин, как и следовало ожидать, согласился.

Со временем и подручные Сталина стали считать сталинскую систему нормой. «Почему репрессии распространялись на жен, детей?» – спросил у Молотова журналист Ф. Чуев. «Что значит – почему? – ответил Молотов. – Они должны быть в какой-то мере изолированы. А так, конечно, они были бы распространителями жалоб всяких...»¹⁵³

Подписи под рисунками:

1. Сталин в кругу приближенных (второй слева Молотов, в центре Орджоникидзе, крайний справа Ворошилов)
2. Слева направо: Сталин, Микоян, Димитров, Каганович; крайний справа – Ежов, 1937
3. Сталин, 1937

10. Насилие и его среда

Идеи не убивают. И не каждый, кто мечтает кого-нибудь убить, в состоянии претворить свои мысли в дела. Любители насилия, которые знают толк в умерщвлении себе подобных, нуждаются в идеях лишь для того, чтобы узаконить свою страсть к убийству в глазах тех, кто к насилию не привык. Ни Сталин, ни Ежов не руководствовались марксизмом и его заветами, отдавая распоряжения об арестах, пытках и расстрелах. Хотя генсек и некоторые из его соратников считали кровавый террор необходимым хирургическим вмешательством в организм общества, которое, по их мнению, выходило из-под контроля, но возможным подобное насилие оказалось лишь потому, что для них оно являлось естественным средством упрочения власти. Такая уверенность проистекала не из текстов европейского марксизма, а из опыта и душевного

склада этих деятелей. Сталин был прирожденным насильником, и во всем, что он делал с другими, им двигал холодный расчет, поскольку игра со смертью относилась к его излюбленным методам властвования. Он не терял контроля над собой, не страдал депрессиями или галлюцинациями. И не стоит забывать, что уничтожение людей доставляло ему удовольствие. «Одно могу сказать наверняка, – вспоминал в 1970-е гг. видный польский коммунист Роман Верфель, – Сталин был подлым и таким коварным! Приведу вам пример. На окраине Москвы стоял поселок старых большевиков, где у каждого был финский домик. И у Сталина тоже, он тогда еще жил скромно, а рядом с ним жила Вера Костшева. Однажды Вера срезала розы в саду, Сталин к ней подошел и сказал: “Какие прекрасные розы!” В тот же день ее забрали и позже расстреляли. Сталин об этом знал. Но когда наша делегация была у него в 1944 г., он вдруг спросил: “У вас столько было толковых людей, такая Вера Костшева, вы не знаете, что с ней?”»²¹⁷

Тот, кто мучает и убивает людей, должен ждать возмездия. Насилие губит доверие и уверенность и в конечном счете подрывает суверенитет насильника. Сталин не мог перестать быть насильником, поскольку, если нет страха, власть деспота оказывается под угрозой. Поэтому он не доверял даже ближайшим сподвижникам, окружал себя вооруженной охраной и велел обнести свою дачу несколькими заборами. Он заставлял своих приспешников пробовать его еду и всегда сам подбирал домашнюю обслугу. В один прекрасный момент насилие в глазах Сталина стало само себя оправдывать, ибо служило гарантией его единовластия. Вероятно, если бы ему сказали, что он бессовестный убийца, он просто не понял бы упрека. Как иначе объяснить, что он не только самолично подписывал все приказы времен террора, но и сохранил их в своем архиве?

Сталин чувствовал себя в состоянии чрезвычайного положения, как рыба в воде. Оно дало ему возможность превратить политическое пространство в поле насилия. Можно сказать, Сталин был творцом чрезвычайщины и главным получателем выгод от нее, поскольку она позволяла ему не только терроризировать общество, но и с помощью целенаправленного применения силы дисциплинировать свою «дружину». Впрочем, прибегать к силе его побуждали не одни только стратегические соображения. Ему самому ничего не стоило убить человека, и он презирал слабаков, которые, рассуждая о насилии, не желали принимать его последствия. Еще в Гражданскую войну он приказывал жечь села, расстреливать людей без всяких причин, потому что ему нравилась власть над беззащитными. Никогда прежде он не был так

счастлив, как в то время, когда мог быть самим собой – Сталиным, и ничем больше²¹⁸. «Бывают такие слабаки, – заявил он на приеме в честь годовщины Октябрьской революции в ноябре 1938 г., – которые пугаются снарядов и ползают по земле, – эти люди вызывают смех». Там, где он вырос, насилие вспыхивало по малейшему поводу. Кровная вражда, вооруженные стычки между селами, разбойничьи налеты принадлежали к повседневности, окружавшей молодого Сталина. Существовать в такой обстановке удавалось лишь тому, кто умел угрожать силой, а при необходимости с ее помощью одерживать верх над противниками. Но без друзей и протече подобные угрозы оставались бы пустым звуком. Мужчины нуждались в друзьях, на которых можно положиться при любых обстоятельствах, а особенно при совместном совершении преступлений²¹⁹.

Дружба и честь на грузинской родине Сталина имели иной смысл, нежели в центре Российской империи. Его кумирами были предводители разбойничьих шаяк, и не только потому, что их преследовали самодержавное государство и его служители, но и потому, что в глазах подростка они олицетворяли собой идеал мужественности. Мужчины являлись бойцами, которые объединялись с другими бойцами против своих врагов и беспрекословно подчинялись главарю. Их самооценка зависела от чести, имевшей решающее значение для статуса мужчины. В «сообществе достойных» измена каралась изгнанием или смертью. Сталинские представления о власти напоминали кодекс чести мафии. «Я родился в стране каморры, – пишет итальянский журналист Роберто Савиано, – где людей убивают больше, чем в любом другом уголке Европы, где обделывание дел неразрывно связано с жестоким насилием и ценность имеет лишь то, что обещает власть. Где всегда думаешь, будто началась последняя битва. Здесь ни на миг не бывает мира или хотя бы короткой передышки в войне, в которой любое действие может означать твой конец, любая потребность оборачивается слабостью. В которой все приходится завоевывать, вырывая с мясом»²²⁰.

Стоит попробовать взглянуть на мир глазами Сталина, и то, на что мы никогда не считали себя способными, сразу станет нормальным. Так обстояло дело и с друзьями Сталина, свикшимися с насилием. Орджоникидзе, Берия, Микоян, Ворошилов, Молотов и Каганович прекрасно понимали, что означают власть и «человек с ружьем» на сталинской орбите. Они настолько усвоили силовой стиль диктатора, что им трудно было представить себе другую реальность. Если бы после смерти Ленина во внутрипартийной борьбе за власть

вместо Сталина победили Троцкий и Зиновьев, заявил Ворошилов на торжественном собрании в честь годовщины революции 8 ноября 1938 г., они бы «нас всех перебили»²²¹.

Приверженцы насилия, большевики на публике изображали мачо, окружая себя воинственными атрибутами. Они не расставались с армейскими сапогами, черными кожаными куртками, военной формой и кобурой. Никто и никогда не видел Сталина без сапог и фуражки. Элементами культа силы являлись также брутализация языка, презрение к таким качествам, как терпимость, сочувствие, сопереживание. Это стало нормой, на которую ориентировались и палачи, и жертвы. Через несколько недель после казни Зиновьева и Каменева чекист Карл Паукер, командовавший личной охраной диктатора, разыграл перед Сталиным и Ежовым в лицах, как Зиновьев молил о жизни, когда его вели в расстрельный подвал. Он велел двум охранникам под руки втащить его в помещение, где находился Сталин с приближенными, и начал подражать крикам Зиновьева. «Слушай, Израиль, Бог наш един!» – вопил он с еврейским акцентом, воздевая руки к небу. Сталин и Ежов загоготали, а когда Паукер повторил сценку, Сталин расхохотался чуть не до колик и, держась за живот, вынужден был попросить охранников прекратить представление²²².

Сталин приказывал демонстрировать подвергнутых пыткам людей у себя в кабинете, лично давал указания, как обращаться с арестованными, избивал собственного секретаря Поскребышева. «Ведь он меня бил! Схватит вот так за волосы и бьет головой об стол», – рассказывал Поскребышев писателю А. Т. Твардовскому после смерти тирана. «Бить, бить», – писал генсек на поступавших к нему донесениях о схваченных «врагах народа». Сталинские приспешники не только принимали участие в допросах, но и сами брались за дубинку. Ежов участвовал в пытках и казнях, он потребовал, чтобы палачи избили его предшественника Ягodu, прежде чем расстрелять. В марте 1939 г. в ящике его стола лежали гильзы от револьверных патронов. На них Ежов велел выгравировать имена видных старых большевиков, застреленных этими патронами. Н. С. Хрущев вспоминал об одной встрече с Ежовым в 1937 г. На рубашке главы НКВД виднелись пятна крови – «врагов народа», как пояснил тот.

Л. П. Берия, преемник Ежова, тоже прибегал к насилию без зазрения совести, окружив себя психопатами и садистами, которые истязали и убивали от его имени. Его приближенные с Кавказа – Б. З. Кобулов, А. Н. Рапава,

Ю. Д. Сумбатов-Топуридзе – были кровавыми мясниками, убийцами, не чуравшимися никаких преступлений. Как вспоминал позже один из подчиненных Берии, нарком приказывал палачам: «Перед тем как им идти на тот свет, набейте им морду». Кобулов и его подручные перед расстрелом связывали осужденных веревками и избивали прикладами револьверов. Когда на казнь вели Р. И. Эйхе, бывшего члена Политбюро и первого секретаря Сибирского крайкома партии, Берия велел своим помощникам Родосу и Эсаулову хорошенько поизмываться над приговоренным. В присутствии наркома они били его дубинками, топтали ногами, вышибли ему глаз. Потом застрелили. Берия расправлялся с противниками и конкурентами, стрелял людей из собственного револьвера, насиловал несовершеннолетних девочек, но никогда не совершал роковой ошибки – не обманывал своего хозяина и повелителя. Сталин всегда умел пользоваться такими исполнителями²²³.

Какой имелся выбор у людей вроде Е. Г. Евдокимова, Н. И. Ежова или Л. П. Берии? Они убивали для Сталина и наводили страх на его окружение. Без защиты диктатора они оказывались беспомощными перед местью элиты. Никто не печалился о судьбе Ежова, никто не жалел о Берии, когда Хрущев велел расстрелять его в июне 1953 г. Сталин проявил себя гениальным стратегом власти. Пока преступники и психопаты совершали убийства от его имени, ему некого было бояться: ни приближенных, трепетавших перед чекистами, ни чекистов, которые как никто нуждались в покровительстве патрона.

Большевицкая революция ставила целью подчинить, взять под контроль и изменить население империи. Сталелитейные заводы и танки должны были прийти на смену избам и иконам, крестьяне – сделаться коммунистами. Но в условиях сталинизма попытка сотворить нового человека, физически уничтожив старого, привела к организованному массовому истреблению. Мечта о новом человеке обернулась кошмаром. Крестьяне превратились в рабов, а социализм выродился в деспотию.

«Я полагал, – вспоминал Якуб Берман, принадлежавший после Второй мировой войны к верхушке польской компартии, – что Большой террор – побочное явление, сопутствовавшее поиску выхода из чудовищно тяжелого международного положения, в котором находился тогда Советский Союз, ну и, может быть, следствие внутренней противоречивости и раздвоенности Сталина. Возможно, проявление его болезненной мнительности, которая приняла форму психического расстройства. Я не искал оправданий происходящему, но мирился с ним, как с трагическим сплетением судеб, повлекшим за собой множество

тяжких жертв». Берман отчаянно пытался найти смысл в великой бойне, уверяя себя: «Лес рубят – щепки летят». Но ему явно не хватало сил поверить в то, что он денно и ночью себе твердил²²⁴.

Уцелевшим оставалось лишь надеяться, что безумие, жертвой которого они пали, служило некой высшей цели. Но не каждого утешала такая надежда. 59-летняя москвичка Анна, архитектор по профессии, после распада Советского Союза оглядывалась на прошлое в гневе. Ее отца расстреляли, мать отправили в лагерь, сама она прошла через ад детского дома НКВД. Какой же высокой цели мог служить подобный кошмар? «Зло завораживает... – сказала она. – Это как гипноз... Есть десятки книг про Гитлера, десятки книг про Сталина – про то, каким он был в кругу семьи, про женщин, которых он любил, какое пил вино, что любил читать... это до сих пор интересно! Любимое вино дьявола... его любимые папиросы... Кто были эти люди – Тамерлан, Чингисхан? Что они были за люди? И миллионы таких же, только гораздо мельче, которые делали страшные вещи? Лишь немногие из них сходили от этого с ума. Все остальные жили совершенно нормальной жизнью. Целовали женщин, ездили на автобусе, покупали игрушки детям... Каждый думал: это не я... Не я подвешивал людей за ноги, вышибал им мозги на стол, не я колот женщинам соски острым карандашом... Это не я, это система... Даже Сталин... даже он всегда говорил, что решает не он, а партия. Он сказал сыну: “Ты думаешь, это я Сталин? Нет! Это он Сталин!” – и показал на свой портрет на стене. Машина смерти, дьявольская машина работала бесперебойно... Десятилетиями... Логика была простая и гениальная: вот жертва, вот палач, палач в конце концов тоже становился жертвой... Ни один человек такого не выдумает... Колесо крутится, и никто не виноват... Человек всю жизнь колеблется между добром и злом. Либо ты втыкаешь кому-то карандаш в соски, либо втыкают тебе»²²⁵.

Подпись под рисунком:

Л. П. Берия с дочерью Сталина Светланой на коленях. На заднем плане сам Сталин. Снимок сделан в 1935 г. на даче Сталина в Абхазии